

Особенности имиджа претендентов на президентский пост

Качества, присущие претендентом	Г.Зюганов	Ю.Лужков	А.Лебедь	Г.Явлинский	В. Черномырдин
Опыт политической деятельности	29	13	17	19	26
Опыт хозяйственной деятельности	9	47	8	5	22
Волевые качества, мужественность	11	7	45	6	9
Профессиональные, интеллектуальные качества	15	21	11	26	15
Государственный подход к решению проблем	17	22	13	12	12
Четкая, последовательная политическая линия	25	12	13	19	7
Активность, энергичность	19	28	29	14	9
Стремление к порядку к законности	16	11	27	10	5
Культура, образованность	9	9	4	24	8
Умение связно излагать свои мысли	18	15	10	22	10
Независимость	13	14	23	16	6
Готовность защищать интересы простых людей	17	12	14	7	2
Личное обаяние	4	16	8	11	6
Честность, порядочность	12	11	14	14	3
Бескорыстность	5	4	4	5	2
Гибкость, способность к компромиссам	7	12	5	7	12

Собранные в табл. 9 показатели могут служить верным индикатором электоральных шансов кандидатов. Просуммировав все положительные ответы в столбце у каждого из претендентов, мы получаем самые высокие "имиджевые веса" у Ю.Лужкова (254) и А.Лебеда (245), которые и лидируют во втором туре голосования, побеждая и Г.Зюганова (226) и Г.Явлинского (217). Низкий показатель В.Черномырдина (154) начисто исключает его из числа конкурентоспособных соперников.

Сергей ГРЕБЕНИЧЕНКО

Многомерный анализ динамических показателей общественного мнения об экономических и социальных переменных 90-х годов: латентные факторы и пути эволюции России

Наиболее информативными признаками, характеризующими "основные тенденции перемен" в России*, являются текущие и перспективные оценки экономического положения страны, материального благосостояния семей; индикаторы "запаса житейской прочности" населения; параметры потенциала массового протеста; показатели социального оптимизма (относительно сферы народного хозяйства, политической ситуации); самооценки людьми настроения; позиции относительно курса экономических реформ; рейтинги доверия ведущим политическим деятелям.

Вместе с этими систематически наблюдаемыми социологами признаками, особую диагностическую роль, на наш взгляд, играют восемь специальных измерительных индексов потребительских настроений, периодически разрабатывавшиеся ВЦИОМ с начала 1993 г. Эти индексы агрегируют в себе (простыми и понятными даже неспециалисту приемами) разные стороны частных мнений людей, самостоятельно и повседневно действующих на потребительском рынке товаров и услуг, и являются "чутким" барометром экономической ситуации в стране**.

До настоящего времени научное использование динамических рядов указанных показателей происходило, за

* См.: Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 3—5; С. 52—91.

** Подробно об этом см.: Индекс-потребительских настроений: Технология, мониторинг, результаты // Материалы международной конференции. Москва, 20—22 января 1997 г. М., 1997.

редким исключением*, в традиционном русле. Нам представляется целесообразным обратиться к методам многомерного анализа "скрытых" взаимосвязей между динамическими рядами социологических параметров экономических и социальных перемен. Основных параметров перемен России (признанных специалистами — экономическими социологами) около трех десятков. Применение к ним метода главных компонент позволило выявить пять объективных факторов социально-экономической эволюции страны в 90-е годы (табл. 1). Суммарно факторы объясняют 82,1% ежемесячных колебаний 30 показателей народнохозяйственного и политического развития, отраженных общественным мнением.

Первый по реальной значимости фактор имеет не экономическую, а социально-психологическую природу, а именно традиции национальной веры в "лучшее завтра". Он устойчиво определяет 36% воспринимаемых обществом реформ и изменений на протяжении последних пяти лет.

Понятно, что традиции такого рода кристаллизовались десятилетиями. Задолгие годы надежд так и не реализовавшихся в полной мере, потенциал национальной веры в "лучшее завтра" все же не исчерпал себя. Даже в новейшее время он более чем на 1/3 объективно обуславливает саму возможность, да и характер экономических и социальных перемен.

Массовая вера в "лучшее завтра", как динамический фактор развития России, не находится на более или менее постоянном уровне; она имеет вполне объяснимые "взлеты" и "падения". Так, с 1993 г. по июнь 1995 г. эта вера, проявляя некоторые "сезонные" колебания, характеризовалась явной тенденцией к снижению. Народ все глубже исчерпывал внутренний запас надежд на скорое улучшение народнохозяйственных условий и укрепление потенциала развития страны (рис. 1). С июля 1995 г. на волне выборной президентской кампании, в обстоятельствах роста политических обещаний, новых и новых экономических проектов и исподволь рождавшихся социальных ожиданий национальная вера в "лучшее завтра" начала расти в

* Бондаренко Н. Моделирование уровня бедности: Динамический и структурный аспекты // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 1. С. 14—23; Она же. Факторная оценка представлений о прожиточном минимуме и желаемых доходах и их дифференциации // Там же. 1997. № 4. С. 22—26; Красильникова М. Структура представлений о бедности и богатстве // Там же. 1997. № 1. С. 23—26; Она же. Динамика показателей благосостояния населения по данным социологических опросов // Там же. 1997. № 6. С. 19—25.

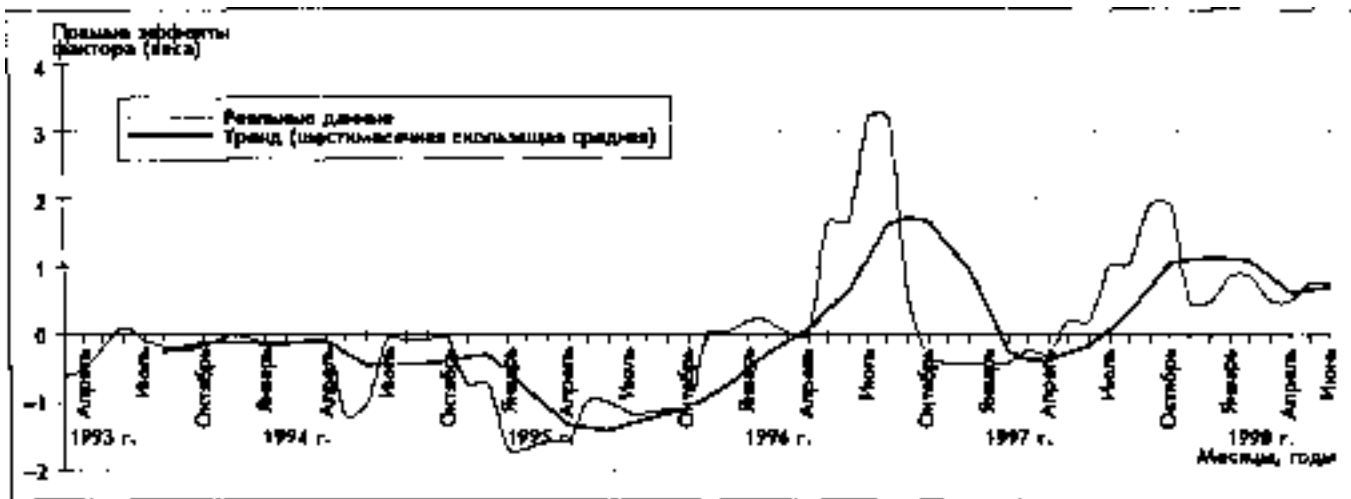

Рис. 1. Традиции национальной веры в "лучшее завтра": поведение фактора в динамике 90-х годов

геометрической прогрессии. Однако уже с середины сентября 1996 г. она стала еще более стремительно падать. Для части населения падение совсем недавней уверенности и оптимизма объяснимо тем, что в "президентской гонке" победил не столь желанный лидер и, стало быть, придется еще четыре года "мириться" с уже знакомой по прежнему периоду моделью стратегического развития России. Другая часть общества в считанные месяцы (октябрь 1996 г. — март 1997 г.) осознала ранее не очевидное обстоятельство — "лучшего завтра" пока не предвидится... С апреля 1997 г. по декабрь 1997 г. вновь обнаружила себя массовая тенденция роста надежд на "лучшее завтра". Пережив некоторый спад в период обострившегося хронического дефицита госбюджета первых трех месяцев 1998 г., она продолжилась после назначения и утверждения нового правительства (с апреля по июнь 1998 г.).

В краткосрочные периоды своего подъема национальная вера в "лучшее завтра" в целом положительно влияла на экономический и политический оптимизм населения, повышала оценки населением текущей экономической ситуации в стране (см. табл. 1)*. В моменты же "истощения" надежд сам факт уменьшения числа людей, верящих в ближайшее "лучшее завтра", ведет к усилению пессимистических оценок в обществе относительно и будущего народного хозяйства, и политической ситуации, ко все более частому отрицательному восприятию людьми казалось бы мало меняющегося экономического положения России.

Зависит ли вера россиян в "лучшее завтра" от показателей, скажем, текущего материального положения их семей и/или недавних (до полугода) положительных либо отрицательных изменений этого положения? Оказывается, не **зависит**. Мало того, эта вера, как долговременный фактор, имеющий внутреннюю глубинную (именно социальную-психологическую) природу своей динамики, не обуславливает, как не удивительно ни оценок населением материального положения их семей, ни стремления людей

Следует дать некоторые комментарии к табл. 1. Значения факторных нагрузок в принципе находятся в интервале [0;1]. Чем выше значение по модулю, тем сильнее воздействие фактора на зависимый показатель. Если связь фактора и показателя прямая (т.е. когда при факторной нагрузке стоит знак "+"), связь **преигрывается** так: возрастание проявления фактора в конкретный момент времени ведет к **росту** зависимого показателя. Если же связь фактора и показателя обратная (т.е. когда при факторной нагрузке стоит знак "-"), то возрастание проявления фактора в конкретный момент времени ведет к **снижению** (от проявлению) зависимого показателя.

делать крупные покупки, ни массовых суждений о благоприятности/неблагоприятности обстоятельств для личных сбережений, ни каких-то других потребительских ожиданий относительно рынка товаров и услуг.

Второй по значимости "скрытый" фактор характера и темпов внутрироссийских перемен 90-х годов — влияние политической оппозиции на официальный курс экономического и социального развития. Он обуславливает более 17% ежемесячных колебаний ключевых параметров этого развития, отраженных общественным мнением.

Бытует мнение, что в стране практически отсутствует влияние оппозиции (как демократической, так и коммунистической) на "жесткий" курс президента, на работу правительства и органов исполнительной власти в сфере народного хозяйства. Однако это не совсем так. Лоббирование оппозиции различных корпоративных интересов, ее парламентская деятельность играет существенную роль в метаморфозах официального курса экономического и социального развития. Наблюдается постоянное, хотя и косвенное, воздействие на процессы назначения и снятия тех или других высших государственных чиновников, утверждение государственного бюджета, актуализация массовых акций протеста и многое др.

Незначительная тенденция ослабления влияния оппозиции была характерна для периода с марта 1993 г. по ноябрь 1994 г. (рис. 2). Но уже с декабря 1994 г. по июнь 1995 г. обозначилось некоторое усиление оппозиционного воздействия на логику курса развития страны. Политическое влияние оппозиции, несколько снизившись к декабрю 1995 г., вновь обнаружило свой рост, причем в геометрической прогрессии в период предвыборной кампании 1996 г. С июня 1996 г., т.е. еще тогда, когда персональные результаты выборов президента были не очевидны, влияние оппозиции на официальную линию народнохозяйственной эволюции начало резко падать. Это падение продолжалось почти полтора года — до октября 1997 г. После октября 1997 г. началось существенное возрастание стратегического влияния политически оппонированных сил, которое продолжается и поныне. Однако сила этого влияния по-прежнему слабее, чем, например, в октябре 1993 г.

Периодический рост воздействия оппозиции на официальную линию развития России приводит к нескольким следствиям (см. табл. 1): 1) к усилению массового доверия общественной и парламентской деятельности, прежде всего Г.Явлинского и чуть меньше Г.Зюганова (т.е. политико-экономические и кадровые предложения оппозиционно-го "Яблока", нежели "новых" коммунистов, чаще учитыва-

Факторы экономических и социальных перемен в России в 90-е годы

Факторы и зависимые показатели	Факторные нагрузки
<i>/ фактор. Традиции национальной веры в "лучшее завтра" /36,2% объясняемой дисперсии/</i>	
1. Экономический оптимизм населения (<i>"позитивные"/"негативные" ожидания в ближайшие месяцы/</i>)	0,92
2. Политический оптимизм населения (<i>"позитивные"/"негативные" ожидания в ближайшие месяцы/</i>)	0,89
3. Оценки населением экономического положения в стране (<i>"положительные"+ "нейтральные"/"отрицательные" оценки/</i>)	0,74
<i>II фактор. Влияние политической оппозиции на официальный курс экономического и социального развития (17,4% объясняемой дисперсии)</i>	
1. Доверие политической деятельности Г.Явлинского (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	0,93
2. Доверие стилю хозяйственного руководства Ю.Лужкова (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	-0,85
3. Доверие политической деятельности Г.Зюганова (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	0,80
А. Доверие стилю хозяйственного руководства Б.Немцова (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	-0,79
5. Возможность массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни (<i>доля населения, указывающего на такую возможность в текущий момент в их населенном пункте</i>)	-0,46
<i>III фактор. Иммунитет населения к экономическим катаклизмам (12,1% объясняемой дисперсии)</i>	
1. "Запас прочности" населения (<i>отношение суммы позиций "жить можно" и "можно терпеть" к позиции "терпеть нельзя"</i>)	0,91
2. Возможность массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни (<i>доля населения, указывающего на такую возможность в текущий момент в их населенном пункте</i>)	-0,79
3. Доля населения, индивидуально принявшего решение протестовать	-0,77
4. Повседневное настроение людей (<i>отношение суммы самооценок настроения "прекрасное" и "нормальное, ровное" к сумме самооценок "испытываю раздражение" и "испытываю страх"</i>)	0,42
<i>IV фактор. Народнохозяйственная роль потребителя (9,6% объясняемой дисперсии)</i>	
1. Доля сторонников продолжения реформ (в %)	0,89
2. Доля сторонников прекращения реформ (в %)	-0,86
3. Текущее материальное положение семей (<i>"положительные"/"отрицательные" оценки</i>)	0,80
А. Индекс потребительских настроений	0,74
<i>V фактор. Потребность в авторитарном руководстве экономикой страны (6,7% объясняемой дисперсии)</i>	
1. Доверие политической деятельности и авторитарному стилю руководства А.Лебеда (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	0,87
2. Экономический оптимизм населения (<i>"позитивные"/"негативные" ожидания в ближайшие месяцы/</i>)	0,39
3. Доверие политической деятельности Г.Зюганова (<i>доля населения, высказывающего доверие</i>)	0,38
А. Повседневное настроение людей (<i>отношение суммы самооценок настроения "прекрасное" и "нормальное, ровное" к сумме самооценок "испытываю раздражение" и "испытываю страх"</i>)	0,24

ются исполнительной властью и находят больший отклик у населения; 2) к снижению доверия части населения стилю хозяйственного руководства Ю.Лужкова и Б.Немцова (это, на наш взгляд, объясняется тем, что образующиеся время от времени "пустоты" влияния их реформаторских программ на развитие страны естественным образом заполняют управленческие предложения оппозиции); 3) к уменьшению возможности повсеместных массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни.

В периоды же ослабления влияния оппозиции на официальный курс российских перемен падает доверие среди значительной части населения к деятельности как Г.Явлинского, так и Г.Зюганова. Причем усиливается потенциал массовых экономических выступлений населения. Однако следует заметить, что при этом же контрастно растут симпатии к стилю хозяйственного руководства Ю.Лужкова и Б.Немцова.

Третий фактор — иммунитет населения к экономическим катаклизмам — объясняет 12% ежемесячных колебаний социологических показателей. Укрепление социального иммунитета обуславливает рост "запаса прочности" населения; снижение самой угрозы на места массовых протестов против роста цен и падения уровня жизни; уменьшение доли граждан, принимающих решение участвовать в акциях протеста; и, наконец, улучшение повседневного настроения людей (см. табл. 1).

Периоды ослабления "защитных функций" общества ведут к обратным процессам: снижению "запаса прочности"

граждан; росту потенциала и массовой базы протеста; увеличению настроений раздражения и страхов среди людей.

До октября 1994 г. российское общество характеризовалось укреплением иммунитета к экономическим катаклизмам, сопровождавшим властные реформы страны (рис. 3). С ноября 1994 г. по август 1995 г. эта "защитная функция" социального организма начала ослабевать. Несколько стабилизировав свое внутреннее состояние в период сентября 1995 г. — июля 1996 г., "иммунная система" нации в конце лета — осенью 1996 г. проявила симптомы оздоровления. Однако с ноября 1996 г., так и не дождавшись (хотя бы самых первых) результатов экономических ожиданий в связи с окончившимися президентскими выборами, общество стало терять "защитную функцию" из-за снижения среднего уровня жизни и других народнохозяйственных коллизий. С апреля по декабрь 1997 г. "защитная функция" общества в связи с летними отпусками, "маленькими радостями" от дачных участков и огородничества, осенними заготовками овощей, фруктов и т.п. опять-таки регенерировалась. Между тем новый 1998 г. "реформирования" России ознаменовался очередным крутым падением иммунитета населения к социально-экономическим катаклизмам. В июне 1998 г. его состояние уже было близко к критической точке, наблюдавшейся в марте 1997 г.

Следующий, четвертый по значимости, объективный фактор экономических и социальных перемен — народ-

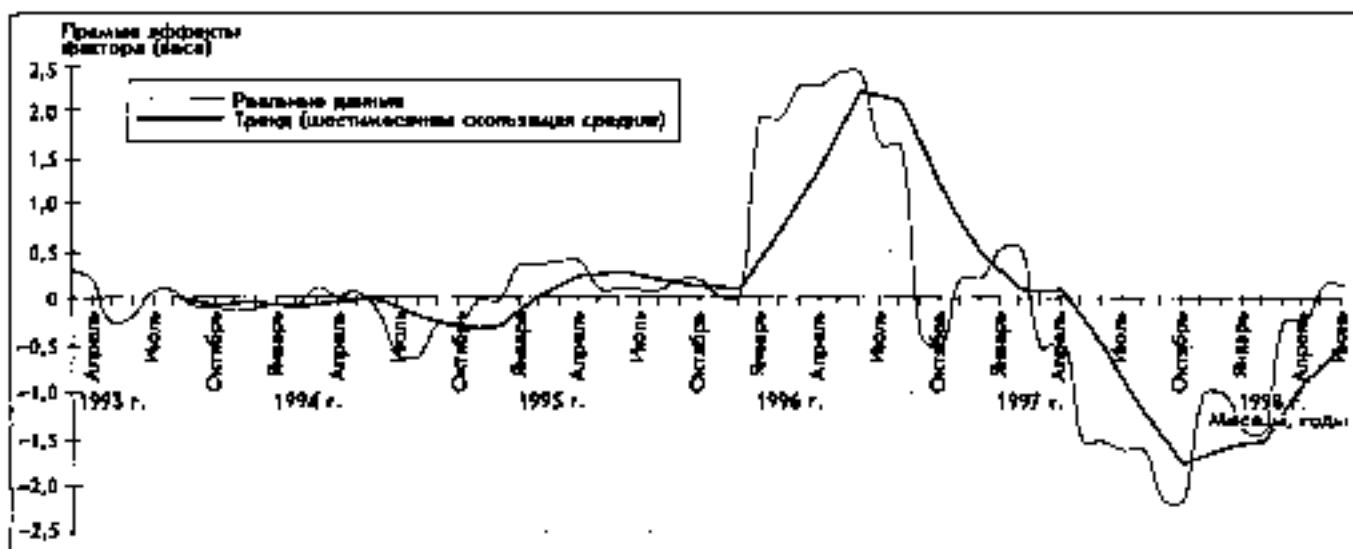

Рис. 2. Влияние политической оппозиции на официальный курс экономического и социального развития: динамика фактора в 90-е годы

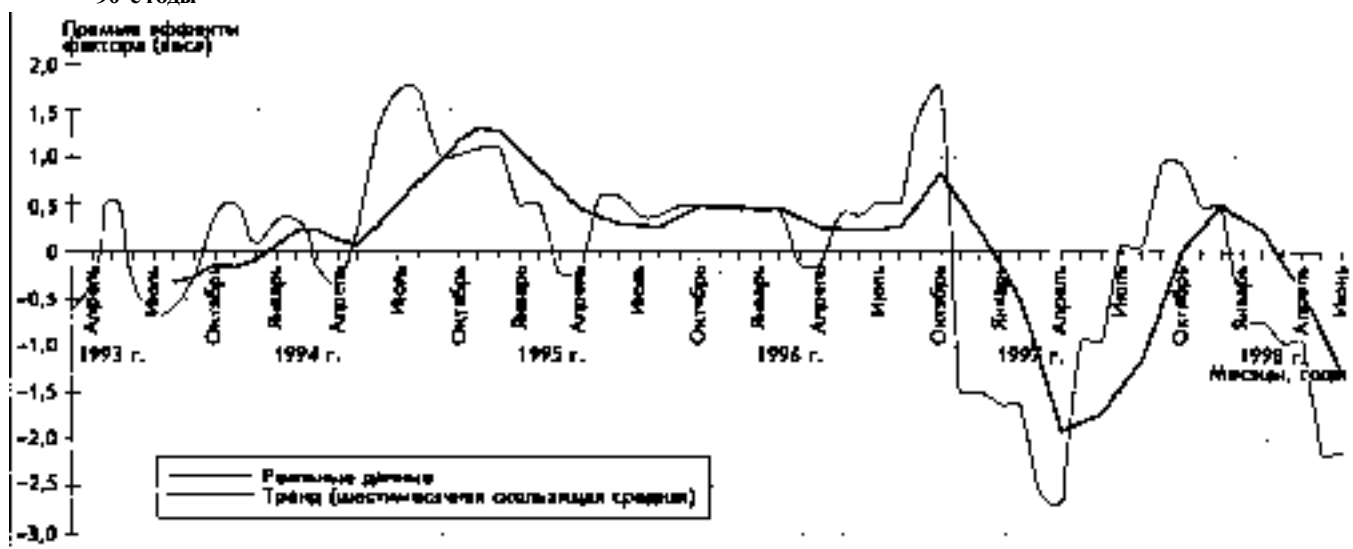

Рис. 3. Иммунитет населения к экономическим катаклизмам: поведение фактора в 90-е годы

нохозяйственная и социально-реформаторская роль потребителя — является рыночным индикатором эволюции России. Данный фактор в динамике 90-х годов объясняет 10% ежемесячных колебаний, происходящих в реальности, и, стало быть, осознаваемых обществом перемен.

Чем лучше политико-правовые условия для реализации народнохозяйственной роли потребителя и чем сильнее эта роль проявляется, тем больше доля приверженцев продолжения реформ и тем меньше доля сторонников их прекращения, а также тем лучше оценки населением материального положения их семей в конкретный момент времени, выше (в целом) комплексный индекс потребительских настроений россиян. Иначе говоря, именно в тех условиях массовое сознание отмечает рост материального благополучия семей за каждые прошедшие полгода, необходимость делать крупные покупки для дома. Появление стимулов и мотивов для личных финансовых сбережений ведет к кратко- и среднесрочным перспективам улучшения экономической ситуации (см. табл. 1).

Снижение народнохозяйственной роли потребителя обуславливает сужение социальной базы реформ, ухудшение материального положения семей, нежелание (и зачастую невозможность) людей планировать и делать крупные покупки, исчезновение у все большей части населения стимулов и мотивов для ссудосберегательных операций.

До сентября 1993 г. имел место рост народнохозяйственной роли потребителя (рис. 4). С октября 1993 г. наблюдалось снижение, а после февраля 1994 г. крутое падение этой роли, продолжавшееся (с некоторым торможением в августе 1994 г. — феврале 1995 г.) почти полтора года — до июня 1995 г.* С конца июня 1995 г. по август 1996 г. обозначилась весьма незначительная тенденция усиления роли массового потребителя в экономическом развитии страны. Между тем с сентября 1996 г. по настоящий момент роль потребителя проявляется крайне вяло, мало того, снижается (см. рис. 4). Должно внимания стратеги-

* Мы отнюдь не отрицаем того факта, что в динамике 90-х годов происходил рост (пусть и незначительный) отдельных показателей и совокупного индекса потребительских настроений (ИПН). В связи с этим см.: Индекс потребительских настроений. Технология, мониторинг, результаты. М., 1997.

Однако речь идет о другом: латентный фактор, который мы условно именуем как "народнохозяйственная и социально-реформаторская роль потребителя" и который помимо всего прочего тесно связан с "поведением" ИПН ($f=0,74$), падением своего проявления с октября 1993 г. по июнь 1995 г. (см. рис. 4), "скрыто" обуславливал невозможность значительных темпов роста и даже сезонные снижения значений ИПН. Такая же закономерность взаимодействия данного фактора и ИПН характерна и для периода с января по июнь 1998 г.

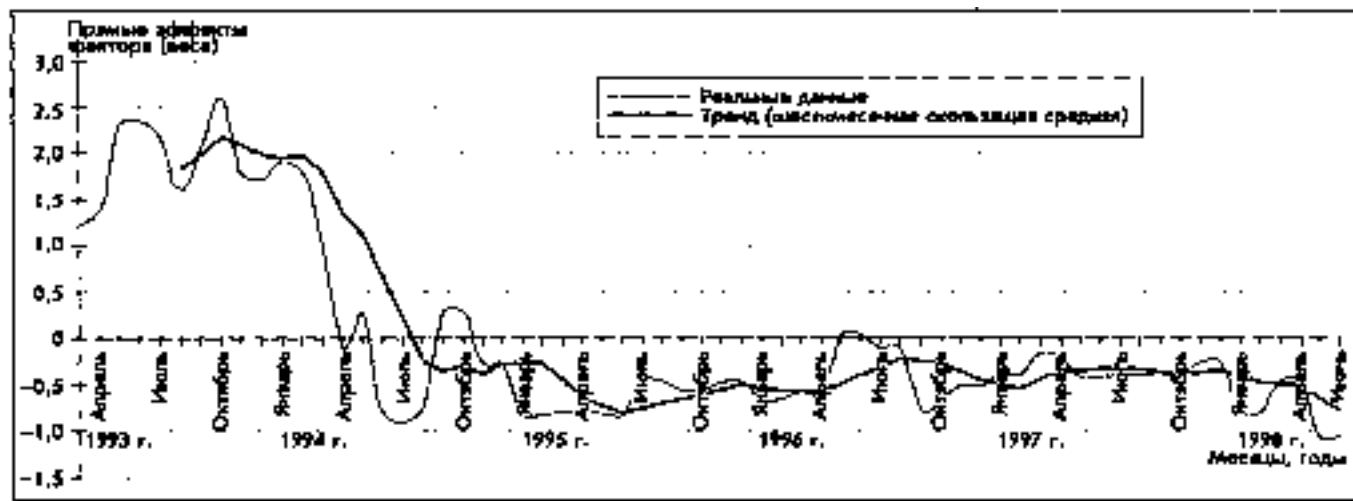

Рис. 4. Народнохозяйственная роль потребителя: эволюция фактора в 90-е годы

ческой значимости этой роли фактически не придают ни законодатель, ни министерско-ведомственное руководство. В июне 1998 г. (последний замер, данные которого мы используем) значение этого фактора — народнохозяйственная (и "ресурсно"-реформаторская) роль потребителя, по сути, простого человека, повседневно заинтересованного в товарных продуктах и услугах, — находилась на самом низком уровне за все анализируемые 90-е годы.

Наконец, фактор, замыкающий детерминирующее пространство перемен, — потребность в авторитарном руководстве экономикой страны. Такая потребность обуславливает лишь около 7% ежемесячных колебаний социологических показателей развития России на протяжении всех последних пяти лет. Если учесть этот показатель при анализе, то отечество отнюдь не предстает социумом, хронически слабым в народнохозяйственном плане, только-то и жаждущим "твердой руки".

Общественная необходимость в авторитарном стиле руководства проявлялась дважды (рис. 5). Первый раз в мае 1994 г. — июле 1995 г., причем не очень сильно (высшая точка приходилась на октябрь 1994 г.). В этот период властная реализация данного фактора определяла рост симпатий парламентской позиции и политические заявления Г.Зюганова, вынуждавшего исполнительную власть объявить войну "финансовым пирамидам"; проявление экономического оптимизма населения; улучшение повседневного настроения людей (см. табл. 1).

Второй раз потребность в авторитарном характере руководства экономикой наблюдалась (причем в более сильной форме, чем в первое свое проявление) в июле 1996 г. — июле 1997 г. Апогеем явился декабрь 1996 г. Достаточно сильное поведение фактора в течение года обуславливало (см. табл. 1) всплеск симпатий к политической деятельности и стилю руководства А.Лебеде; экономический оптимизм населения; рост доверия парламентским заявлениям и политической деятельности Г.Зюганова; и при таких обстоятельствах, как не удивительно, — уменьшение в обществе доли негативных самооценок людьми своих повседневных настроений (типа "испытываю раздражение" или "страх").

С августа 1997 г. по февраль 1998 г. произошло падение потребности общества в авторитарном руководстве именно хозяйственными процессами. Намечившаяся с марта 1998 г. тенденция роста этой потребности, по сути дела, крайне незначительна.

Таковы факторы экономических и социальных перемен 90-х годов. А каковы же альтернативы эволюции России в пространстве объективного действия этих факторов?

С этой целью обратимся к одному из методов "размытой" классификации*. Применение его к прямым эффектам рассмотренных выше пяти факторов позволило обнаружить три альтернативы в эволюции России и две ситуации политического выбора, когда эти альтернативы реализовывались властвующим субъектом (рис. 6).

Первая альтернатива — монетаристский путь развития, т.е., по сути, естественно-рыночная эволюция — реально проявлялась только по март 1994 г. Условно определим это время термином сильного влияния в Правительстве и Администрации Президента РФ идей макроуправления и политико-экономического кредо Е.Гайдара и его сподвижников. Ключевым фактором, определявшим динамику развития в рамках монетаристского пути, была достаточно высокая народнохозяйственная роль потребителя (табл. 2).

Во второй половине марта 1994 г. на фоне резкого ослабления в стране роли потребителя и в принципе усредненного воздействия на общество четырех других факторов развития обнаруживается альтернативная ситуация. Властвующей элите представилась возможность сделать выбор между по-прежнему монетаристским путем эволюции и путем авторитарного вмешательства государства в экономику (см. рис. 6).

Осознанный выбор был сделан в пользу второй альтернативы; на должности заместителей Председателя Правительства РФ, руководителей (и их первых заместителей) федеральных министерств и ведомств приходят лица, далекие и лично от Е.Гайдара, и идейно от платформы "гайдаровского монетаризма". Авторитарное вмешательство государства в народное хозяйство на протяжении более полутора лет характеризовалось усилением проявления таких факторов, как: 1) иммунитет народа к экономическим катаклизмам; 2) потребность значительной части населения в авторитарном руководстве экономикой; 3) влияние политической оппозиции на официальный курс развития страны (см. табл. 2).

К началу 1996 г. вновь подспудно вызревает ситуация выбора (см. рис. 6). Альтернативность заключается в следующем: либо продолжать "волевое", причем несистематическое, вторжение государства в те или иные социаль-

* Логико-познавательная и математическая стороны применения метода размытой классификации FUZZYCLASS для корректного вскрытия действительно имеющих место альтернатив развития нами подробно изложены: Гребенichenko С.Ф. Поливариантность эволюции и управление хозяйственными процессами (Парадигма обнаружения альтернатив развития) // Мир России / Universe of Russia. Социология. Этнология. Культурология. М., 1995. Т. 4. № 3—

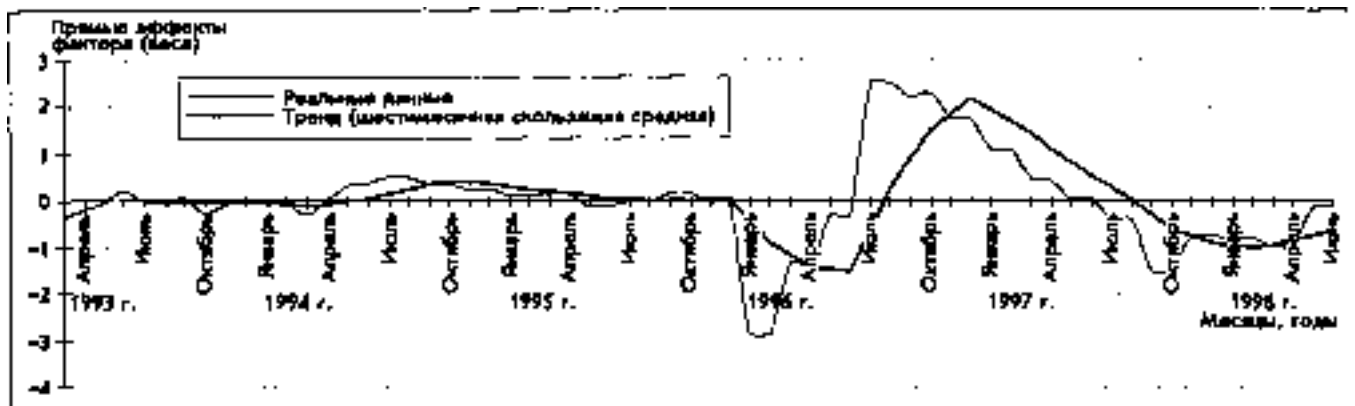

Рис. 5. Потребность в авторитарном руководстве экономикой страны: динамика фактора в 90-е годы

но-экономические процессы (по принципу "латания дыр"), либо, опираясь на растущую в преддверии выборов президента национальную веру в "лучшее завтра" экономической ситуации проводить целостную правительственную программу оздоровления всего народнохозяйственного комплекса. Разница двух возможных тогда стратегий заключалась в степени и обоснованности государственного регулирующего начала в народнохозяйственной жизни.

Окончательный выбор властвующей элиты, склоняющейся ко второй альтернативе, задерживался ожиданиями вначале результатов выборов, затем формирования нового состава правительства. В условиях "замаячившей" близости экономической катастрофы, к ноябрю 1996 г. выбор был наконец-то сделан в пользу второй альтернативы. Однако с той уже произошли серьезные метаморфозы, да и условия для ее реализации изменились. Стали падать надежды народа на реальное "лучшее завтра" (см. рис. 1). Быстро ослабевал иммунитет населения к экономическим катаклизмам (см. рис. 3). Снижалась и без того низкая народнохозяйственная роль потребителя, т.е. нарушался основополагающий принцип рыночной экономики (см. рис. 4).

Альтернатива проведения целостной правительственной программы оздоровления всего народнохозяйственного комплекса выродилась в свою противоположность. Постоянно декларируя такого рода "оздоровление", руководство страны, по сути, реализует кризисный путь развития, а именно эксплуатирует ожидания населения "экономического чуда" при отсутствии правительственной программы оздоровления хозяйственной ситуации. Ни один из факторов экономических и социальных перемен, за исключением разве что национальной веры в "лучшее завтра", так и не смог быть задействован политической элитой с ноября 1996 г. (см. табл. 2).

Если тенденции поведения факторов экономических и социальных перемен, наметившиеся с весны 1998 г., сохранятся (см рис. 1, 2 и 5), то в перспективе ближайшего полугодия вера населения в "лучшее завтра" может расти. Причем этот рост будет происходить на фоне еще более существенного усиления влияния идей политической оппозиции (в большей степени демократической, хотя и коммунистической тоже) на официальный курс развития страны. При этом увеличится потребность населения в ужесточении государственного руководства социально-экономическими процессами.

Сегодня, как никогда раньше за все 90-е годы, важно максимальное использование правительством и законодателем такого фактора, как народнохозяйственная роль потребителя

Таблица 2

Характеристика альтернатив социально-экономической эволюции России в 90-е годы

Альтернативные пути	Факторы*				
	I	II	III	IV	V
Монетаристский путь: естественно-рыночная эволюция	-0,19	-0,28	-0,06	1,84	-0,9
Путь авторитарного вмешательства государства в экономику	-0,82	0,01	0,63	-0,49	0,16
Кризисный путь развития	0,47	-0,76	-0,91	-0,48	-0,13

* Номера и названия факторов:

- I — Традиции национальной веры в "лучшее завтра";
- II — Влияние политической оппозиции на официальный курс экономического и социального развития;
- III — Иммунитет населения к экономическим катаклизмам;
- IV — Народнохозяйственная и реформаторская роль потребителя;
- V — Потребность в авторитарном руководстве экономикой страны.

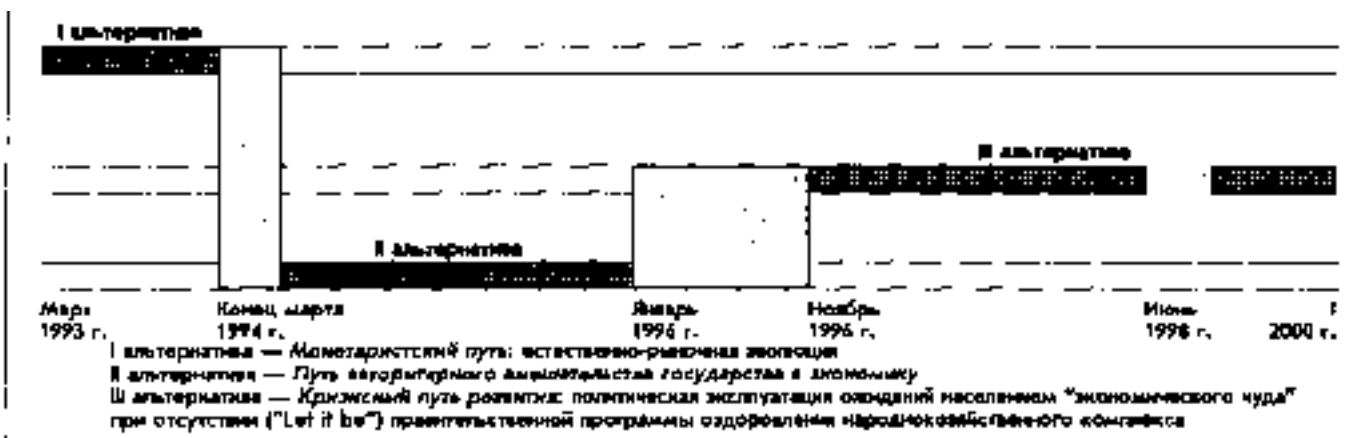

Рис. 6. Альтернативы и альтернативные ситуации в социально-экономической эволюции России в 90-е годы